

ИСТОРИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ НОРМЫ ПРАВА

В статье обосновано, что объектом исторического толкования является содержание нормы права (как действующей, так и утратившей силу), выраженное в тексте любого, в том числе нетипичного, источника права. Установлено, что историческое толкование осуществляется с учетом правовых и неправовых факторов, предшествующих созданию нормы и сопровождающих ее принятие.

Ключевые слова: толкование, способы толкования, историческое толкование, объект толкования, правовые предписания.

I.V. Minnikes

HISTORICAL INTERPRETATION CONTENT OF THE RULE OF LAW

The article proves that the object of historical interpretation is the content of a rule of law (both valid and invalid), expressed in the text of any, including atypical sources of law. It is established that the historical interpretation is carried out taking into account the legal and non-legal factors that precede the creation of the norm and accompany its adoption.

Keywords: interpretation, ways of interpretation, historical interpretation, object of interpretation, legal prescriptions.

Толкование в современной теоретико-правовой науке представляет собой многозначную проблему – начиная от дискуссионности самого понятия толкования и заканчивая спорами о классификации толкования на виды по различным основаниям.

Вопрос о выделении исторического толкования в настоящее время практически решен в пользу необходимости такового. Как справедливо считал А.Ф. Черданцев, исторический способ толкования входит в разряд общепризнанных [15, с. 120]. Но вот дискуссии о понятии, содержании и объекте исторического толкования, а также возможности классификации продолжают до сих пор, и нет гарантии, что в ближайшее время эти проблемы будут решены однозначно.

Не претендуя на роль арбитра или первооткрывателя, тем не менее, предпримем попытку обобщить уже высказанные позиции и обнародовать несколько собственных выводов касательно данной проблемы.

Для начала следует задаться вопросом – что подразумевается под историческим толкованием? Базовым постулатом данного исследования будет то, что наименование «исторический» априори отсылает к явлениям прошлого (древнегреч. *ιστορία* – рассказ о прошлом). Другими словами, правотворческий орган и толкователь находятся в различных временных рамках. Длительность вре-

менного разрыва диктуется обстановкой, свойствами и содержанием нормы, особенностями политико-правовой, социально-экономической ситуации и т.п.

Все иные выводы и соображения сделаны именно на основании этого вполне очевидного постулата.

Еще одно предварительное замечание следует сделать относительно термина, которым обозначается исследуемое явление. В частности, какое наименование корректнее отражает важнейшие характеристики этого способа толкования – историческое или историко-политическое? Или оба наименования имеют равные права на существование?

Многие ученые-теоретики используют термин «историко-политическое толкование» как наряду с «историческим», так и вместо оно.

Н.А. Пьянов, не оценивая их качество и приемлемость, просто перечислял их как однопорядковые наименования: «*Исторический способ толкования права, который называют также историко-политическим, а иногда и историко-целевым* (выделено мной – И. М.) [11, с. 439].

В некоторых случаях выбору в пользу более сложного термина (историко-политическое толкование) дается вполне логичное объяснение – это связано с теми приемами, которые положены в основу исторического способа толкования, а иногда термин «историко-политическое» отражает одну из важнейших характеристик советской правовой науки – ее политическую направленность.

В данном исследовании в основу положена концепция о неравнозначности терминов, а предпочтение отдано названию «историческое толкование». Обоснование выбора сделано ниже.

По поводу объекта толкования в науке сломано немало копий. Устоявшийся, но не совсем корректный термин «толкование права» может подразумевать самые разнородные явления: «в качестве объекта толкования в литературе называются право и его нормы, законы (нормативные правовые акты) и тексты законов, воля законодателя, воля закона и государственная воля, а также регулируемые нормами права общественные отношения» [9, с. 47].

Представляется, что толкование не может иметь объектом волю законодателя или государства, хотя может быть направлено на установление воли правотворческого органа. Объект толкования – это та постоянная величина, на которую направлена познавательная деятельность интерпретатора. А целевые установки законодателя и толкователя, даже официально уполномоченного, могут не совпадать, как справедливо считают ученые, поддерживающие идею динамического подхода в толковании.

В частности, если условия жизни общества кардинально изменились, толкующему субъекту нет необходимости выявлять волю правотворческого органа: перед ним стоит иная задача, например, приспособить норму к изменившейся социально-политической и экономической обстановке. Такое положение сложилось, например, в России XIX столетия, когда нормы феодального права медленно реагировали на вызовы новых капиталистических отношений. Неповоротливость законодателя в определенных ситуациях могла компенсироваться возможностями интерпретатора без изменения текстуальных формулировок.

Таким образом, воля законодателя как объект толкования вызывает сомнения.

Сложно воспринять и предложение В.В. Лазарева о воле законодателя (нормодателя) как предмете толкования, объектом которого выступают нормативные правовые акты и их совокупности [10, с. 443].

Представляется, что базой для уяснения и разъяснения любого правила является его материальный носитель – текст. С.С. Алексеев называл анализ словесно-документального текста обязательной ступенью толкования [1, с. 290]. Как верно отмечает Т.В. Кашанина, толкование в том смысле, который чаще всего вкладывается в него в правоведении, подразумевает объяснение «знаков естественного или искусственного языка...» [4, с. 338]. Но автор справедливо предостерегает: за текстом нормы права стоит ее содержание, поэтому «расшифровкой текста дело не ограничивается» [4, с. 338]. Разделяя предмет и объект толкования, В.С. Нерсисянц предлагал под объектом понимать текст нормативно-правового акта, а предметом – «актуальное регулятивно-правовое значение нормы права» [8, с. 493].

Стоит ли разделять текст и содержащуюся в нем норму как разные уровни познавательной деятельности – вопрос не слишком принципиальный. Если обобщить предложенные варианты, можно заключить, что в качестве объекта толкования выступает содержание нормы права, выраженное в тексте правового предписания.

Более важным является проблема формы того самого текста, в который облечена норма права.

В лучших традициях советской правовой науки большинство даже ведущих, опытных авторов-теоретиков права ассоциирует форму материального носителя нормы исключительно с нормативным правовым актом: «под толкованием права понимается... мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и выражений (знаков естественного языка), заключенных в *нормативных актах* (выделено мной – И. М.)» [16, с. 5–6]; «толкование – это познавательная деятельность, осуществляемая с целью установления содержания нормы права, изложенной в *тексте нормативно-правового акта* (выделено мной – И. М.)» [14, с. 276]; при толковании «интерпретатор слой за слоем вскрывает то, что юридически выражено и изложено в тексте нормативного акта» [1, с. 301].

Такое положение дел понятно – в советскую эпоху уделялось мало внимания практической значимости иных источников права. Все важнейшие предписания либо облекались в форму нормативного правового акта официально, либо укрывались под государственным флером, будучи непризнанными в науке, но весьма влиятельными в жизни партийными нормативными актами [7].

Если же не замыкаться в рамках собственной национальной правовой системы, то становится очевидным, что толкованию подлежат любые нормы, будь они выражены статьей нормативного правового акта, пунктом нормативного договора, резолюцией судебного прецедента и др.

Объектом исторического толкования, таким образом, выступает содержание нормы права, выраженное в тексте любого, в том числе и устаревшего в

настоящее время источника права (такowymi, в частности, могут быть юридически-значимые обычаи, завещания князей, религиозно-светские тексты и т.п.).

Следуя логике, историческое толкование может прилагаться как к действующим правовым предписаниям, так и к устаревшим, а также утратившим юридическую силу.

Если не сужать рамки целевой направленности толкования лишь до интересов правореализации (хотя, например, С.С. Алексеев и ограничивал толкование установлением содержания правового акта «для его практической реализации» [1, с. 290]), такое заключение выглядит обоснованным.

По поводу практического назначения исторического толкования не все авторы имеют однозначное мнение. Так, В.А. Петрушев считает, что «история создания правовой нормы и ее функционирования интересует субъекта толкования лишь настолько, насколько это необходимо для ее практического применения», однако далее тем же автором указано, что правовые предписания подлежат историческому толкованию как в ходе научного исследования, так и в ходе реализации права [9, с. 152, 151].

Правда, толкование устаревших норм не слишком много дает в плане правоприменительной деятельности, однако вполне продуктивно в научной сфере и может положительно сказаться на качестве правотворчества.

Следующее направление исследования – это непосредственно содержание термина «историческое толкование».

По поводу содержательного наполнения термина «исторический способ толкования» существует несколько позиций.

Первая группа авторов считает, что историческое толкование подразумевает установление содержания норм «исходя из условий их возникновения» [15, с. 185]; «с опорой на знание фактов, связанных с историей возникновения толкуемых норм» [4, с. 352]. В.В. Лазарев имеет в виду то же содержание, хотя сам способ именуется историко-политическим: он состоит «в изучении исторической обстановки создания акта, расстановки политических сил, социально-экономических и политических факторов, обусловивших появление акта и оказавших влияние на волю законодателя» [10, с. 451]. А.Г. Манов согласен с ним: этот способ обусловлен необходимостью уяснения исторической обстановки, в которой выносятся то или иное правотворческое... решение» [12, с. 380].

Вторая группа авторов предлагает сразу два критерия отнесения толкования к историческому. Первый – это исторические условия создания нормы, второй – это ее динамика.

В.В. Лазаревым четко обозначены эти два направления: историко-политическое толкование предполагает как «знание социально-экономической и политической обстановки во время принятия акта», так и принятие во внимание практики применения нормативного акта, т.е. его жизнь» [6, с. 74].

В.А. Петрушев считает, что историческое толкование помогает уяснить цель, которую ставил правотворческий орган, изучить социально-политическую обстановку, сложившуюся в период ее принятия, а также «понять то, как она функционировала» [9, с. 151]. Если убрать целевой аспект, который не вписывается в критерии исторического способа, два оставшихся эле-

мента – общественно-политическая ситуация во время создания нормы и динамика реализации предписания – образуют два аспекта данного подхода к трактовке содержания исторического толкования.

На те же аспекты, но несколько в иной трактовке, указывал А.Ф. Черданцев, критикуя термин «историко-политическое» толкование. Как справедливо отмечал ученый, различие между историческим и историко-политическим толкованием не является чисто терминологическим. Употребление термина «историко-политическое» подразумевает, как считал автор, не только изучение исторической обстановки в момент издания нормы, но и тех социально-политических процессов, которые наличествуют в обществе на момент непосредственно процесса толкования» [15, с. 186–187].

Представляется, что трактовка содержания исторического способа толкования в динамическом контексте и статическое историческое толкование – явления разнопорядковые.

В статике трактуется первоначально вложенное содержание или то, как понял это содержание интерпретатор.

Толкование же, основанное на практике реализации толкуемой нормы имеет в основе не сам текст, а понимание этого текста правоприменителем, т.е. выступает своеобразным «вторым уровнем» толкования. При этом необходимо помнить о начальном постулате данного исследования – а именно о том, что историческое толкование предполагает разрыв во времени между созданием и толкованием нормы.

Поэтому «динамический» вариант исторического толкования при отсутствии или незначительности этого отрезка времени может вполне вписаться в концепцию другого способа толкования – функционального и либо вообще перестанет быть историческим, либо создаст сложный конгломерат историко-функциональной природы.

Можно выделить и еще одну группу исследователей с собственным взглядом на содержание исторического толкования.

Н.М. Коркунов вкладывал в историческое толкование особый смысл – это объяснение на основе сопоставления нормы с предшественницей, т.е. нормой, «действующей по тому же предмету в момент установления новой» [5, с. 418]. Такой ракурс исторического толкования подразумевал несколько правил: нормы должны чередоваться во времени, иметь один и тот же предмет и взаимоисключающую природу.

Чуть более широко содержание исторического толкования понимал А.Т. Боннер. По его мнению, в процессе исторического толкования толкуемая норма сравнивается с ранее действовавшими нормами, изучаются различные материалы, которые помогут понять причины издания или изменения этой нормы [2, с. 16].

Эта трактовка в настоящее время не слишком популярна. Однако А.В. Смирнов и А.Г. Манукян взяли ее за основу, предложив считать историческим толкованием «выяснение действительного смысла и значения правовой нормы путем сравнения ее с содержанием других норм, имеющих *тот же самый предмет* (выделено мной – И. М.) [13, с. 65].

Свою трактовку авторы подкрепляют несколькими положениями, обозначенными как правила исторического толкования. Первое правило, по мнению авторов, заключается в том, что норма позднейшего законодательного акта имеет преимущество перед нормой предыдущего. Правило, действительно, важное, но, как представляется, отношения к историческому толкованию не имеет, скорее, относится к вопросу о действии правового акта во времени.

Правило уважения законодательных изменений (смысл которого сводится к тому, что внесение законодательных корректив в содержание нормы подразумевает и изменение толкования), которое авторы также сочли основой исторического толкования, как представляется, столь же непродуктивно с точки зрения исторического способа толкования. Новая по содержанию норма, естественно, требует и нового толкования, причем это касается не только исторического способа.

Интерес представляет предложенное авторами третье правило исторического толкования: при толковании *должны приниматься во внимание те исторические условия и обстоятельства, в которых они действуют и которые воздействуют на понимание их содержания субъектами правореализации* (выделено мной – И. М.) [13, с. 68]. Это правило перекликается с пониманием исторического способа толкования как требования учета условий функционирования (реализации) нормы. Однако в трактовке авторов неясно, какое отношение к истории имеет действующая и реализуемая норма к отмененному предписанию, которую А.В. Смирнов и А.Г. Манукян поставили как критерии наличия исторического толкования?

Гораздо более удачной является концепция Н.А. Власенко. Он берет за основу исторического способа толкования выяснение обстоятельств, которые вызвали к жизни толкуемую норму, однако он дополняет ее сравнительным приемом, «в ходе которого сопоставляются аналогичные нормы прежних (отмененных) нормативных правовых актов [3, с. 192].

Следует отметить, что оба «статических» варианта имеют право на существование. Дело в том, что анализ обстановки, которая сподвигла законодателя на создание нормы, включает широкий круг разнообразных элементов, в который с полным правом войдут как политические, экономические и социальные факторы, так и сугубо правовые явления – предшествующие нормы, законопроекты, отмененные акты, обычаи, имеющие правовое значение, а также многие иные факторы, например, уровень правосознания и юридической техники, наличие правовых научных школ и т.п.

Подводя итоги, можно заключить, что *историческое толкование* – это интеллектуальная деятельность, при которой уяснение и разъяснение содержания правового предписания достигается на основании выявления правовых и неправовых факторов, как предшествующих созданию нормы, так и сопровождающих ее принятие.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2-х т. Т. 2 / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.

2. Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе / А.Т. Боннер. – Москва : Юрид. лит, 1980. – 160 с.
3. Власенко Н.А. Теория государства и права : науч.-практ. пособие / Н.А. Власенко. – Москва : ИД «Юриспруденция», 2009. – 424 с.
4. Кашанина Т.В. Юридическая техника : учебник / Т.В. Кашанина. – Москва : Эксмо, 2007. – 512 с.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – 430 с.
6. Лазарев В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 200 с.
7. Минникес И.В. Партийные акты в системе источников советского права / И.В. Минникес, С.А. Токмин. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 184 с.
8. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов / В.С. Нерсисянц. – Москва : Изд-во Норма, Инфра-М, 1999. – 552 с.
9. Петрушев В.А. Толкование права / В.А. Петрушев. – Москва, Иркутск : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2008. – 260 с.
10. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – Москва : Изд-во Норма, Инфра-М, 2001. – 814 с.
11. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2008. – 571 с.
12. Теория государства и права : учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. – Москва : Норма, 2009. – 496 с.
13. Смирнов А.В. Толкование норм права : учеб.-практ. пособие / А.В. Смирнов, А.Г. Манукян. – Москва : Проспект, 2008. – 144 с.
14. Сырых В.М. Теория государства и права : учебник / В.М. Сырых. – Москва : Юрид. дом «Юстицинформ», 2004. – 704 с.
15. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юнити-Дана, 2003. – 381 с.
16. Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юрид. лит., 1979. – 168 с.

Информация об авторе

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ivminnikes@mail.ru.

Author

Irina V. Minnikes – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of Institute of Legal Research of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ivminnikes@mail.ru.